

Откуда взялись Фауна с Флорой, Бог весть. Размахивают руками перед Вовкиным носом, который в форме баклажана (закусочный вариант) и по цвету приближается к нему же. Что-то такое несут они, как им и положено, нечленораздельное. Великанов подхватывается взрывообразно. Сформировавшееся мигом радиоактивное облако срывает с насиженных насестов и нас, мы едем-едем-едем в далекие края. Все вместе, то есть получается вшестером. Как только в машину втиснулись. Впрочем, я не вполне уверен, что это было. В смысле — какое транспортное средство. Но вот же именно тот случай, когда все средства хороши. Мы везем с собой кота, чижика, собаку и прочую скотинку... А Мамы дома таки да нет. Нигде. По всему периметру квартиры. По всей полезной площади, включая железобетонные стены и балкон. Парочка из флористическо-фаунистического питомника: "Мы на огонек зашли, а тут...". Сознание вернулось ко мне внезапно, и я направил курвятник в полном составе на все четыре стороны. То есть, мы пошли искать по всем направлениям. Без особой, вообще говоря, надежды. Не говоря уже об остальных "белых подругах". Часа через полтора безрезультатно сошлись близ парадной — как тот злой волшебник из "Алладина", которого сначала послали на все четыре стороны, а после все эти четыре ипостаси склеились в одну злостную прежнюю. И немедленно выпили. Потому что "погибшие" сказали: "Да какая сегодня, к черту, работа...". А "но милые" прибавили: "И вообще... Ну ее в жопу... Работу в смысле...". Я сказал: "Бедный Вовик". Прозвучало как "Бедный Йорик".

Зато наверху застали мизансцену поистине душераздирающую. В кухне, прямо на цементном полу, задрапированном одним жалким коммунальным линолеумом, сидела другая сладкая парочка — Великанов с Мамой. Сидели, привалившись друг к дружке, и гладили друг друга по никудышным, прямо скажем, прическам. "В кладовке нашел, — с хрипотцой выдал Вовка, — думала, это такой большой холодильник". Вовкина Мама мельком глянула на нас: "А, практиканты...". И снова уткнулась в Великановское плечо: "Володенька...".

Я ведь знал, знал!..

Светлячки

Рассказ

И все-таки, все-таки впереди огни!
В.Г. Короленко

Кто из писателей заметил, что приказ всегда приходит неожиданно?

Я вспомнил Виктора Некрасова, когда мне позвонили и почти категорически предложили: надо ехать на поле. Пожалуйста... выручай, мол, коллектив!

Действительно, это как гром с ясного неба. Тут ты распределил свой завтрашний день, все твое существо уже нацелено на то или другое дело. И сидишь накануне под телевизором хоть и расслабленно, но уже обреченно.

А такая телефонная встряска — ей-богу, не легче фронтового пакета, к тому же — не об отступлении, как было там, в романе про Сталинград, а поистине — о наступлении. Раз нужно быть на огороде — на том коллективном поле, где разбиты наши участки. И быть в качестве самом уязвимом — сторожа!

Да, ведь там воруют. Кто-то приходит и копает то картошку, то бурки с луком. Чтобы это предотвратить, оборудовали сторожевой пост — в форме контейнера, который специально завезли на край поля и обставили всем необходимым — от спальных мест до лесенки, чтобы лезть на крышу и наблюдать с нее за десятком участков с разными насаждениями, пусть и весьма хилыми...

Правда, раньше считалось, что в таком контейнере будет сидеть специально нанятый человек — из местных жителей, что ли, который и знает каждого возможного вора — из своих же — и которому за это хорошо вроде бы платят — теми деньгами, что уже собирали среди нас, членов Ассоциации. И даже не раз доводилось видеть и слышать, как у раскрытых створок контейнера кто-то копошится и громко отзывается. Ну, так в чем же дело — сорвалось ли это?

"Выручай, пожалуйста... — стояла в моих ушах просьба того, кто ведал огородами нашей Ассоциации — из сборища гулаговских жертв и их близких. — Так получилось... Надо завтра в поле — и с ночевкой. Не откажи, дорогой!"

Я еще сопротивлялся, хотя и было трудно отказывать хорошему человеку. Но поставил условие — чтобы ехать не с утра, а во второй половине дня, едва ли не к вечеру. Да, тогда я успею справиться с другими делами, которые наметил раньше. И пусть там будет еще кто-нибудь... ладно, а?

Мне пообещали это: мол, дежурство на двоих — с напарником (не с женщиной ли?). А что касается времени — желательно не слишком поздно. И мы еще поговорили о поездах, идущих в конце дня туда, где огорды. Порядок!

Пригородные поезда — наше важное подспорье, потому что иначе добираться в такую даль — километров за 50 — было бы совсем нелегко.

А тут еще — бесплатный проезд, как полагается и нам — бывшим энкам.

Обычно я ездил в Еремеевку, где находится участок для репрессированных, пораньше. Тогда и народу не очень много, и приезжаешь до наступления жары, а уехать можно после обеда, справившись с огородной возней. Полуденным поездом в сторону Раздельной уже хуже: садятся те пригородные жители, которые ездили на деловой Привоз, где успели распродать свой товар. Но все же удавалось и так вернуться до вечера, пусть даже меньше доводилось что-то сделать. Ну, а как будет теперь, если ехать необычно — к вечеру?

Признаться, не думалось, что это выйдет сложно — чуть ли не с комплексами.

Какое-то особое чувство я испытал, появившись на вокзальном перроне около шести часов вечера. Как ни привыкай там, но это неожиданно, как женщина!

Людей уже немного, и все хоть и устали за день, но как-то особо оживлены — из-за возвращения домой. Даже позавидовалось, что едешь тут, наоборот, из дому — к тому же в нечто неуютное, в огородную глушь, а тем более в неизвестность. Да и просто угнетает, что с кем-то надо проводить время... и как там преклонишь голову на ночь? Но еще не хотелось думать про добро, какое уже выросло, а к тому же про каких-то якобы нападающих... еще чего!

Я смотрел в окно, когда поезд тронулся, и стало неуютно едва ли не при одном перемещении закатных солнечных лучей по вагону — с немногочисленными, но назойливыми пассажирами — вроде девчонки сбоку, задремавшей рядом с моими коленями. Не помню, когда еще я так куда-то уезжал, но и не сказать, что возникло такое щемящее чувство, будто тебя отправляют куда-то...

Или, пожалуй, не так ли я и смотрел по сторонам на неприглядные на-

громождения строений, шпал и деревьев, когда меня везли вместе с другими энками в глубь страны — в неведомую Мордовию? И не просто тогда сжимал свою торбу, а и стал шарить в ней — не только перекусить, а и отвлечься...

Стало слегка тоскливо, когда на ближайшей большой станции — Дачной — сошло много пассажиров. Вышли даже молодожены с сонной девчушкой, и я вдруг пожалел, что больше никто рядом не будет касаться меня. А за окнами уже не было солнца, и тени — сильно покосившиеся — скользили лишь по верхушкам деревьев. Но совсем меня затомило, когда резко обозначились в багровом закате деревенские телевизионные антенны. Да, кстати, что там сегодня вечером пойдет по "Останкино"? Или даже по 7-му каналу, хоть я обычно смотрю его с некоторым пренебрежением? Уютные будни, что ни говорить!

Вот уже синева — сбоку, вдоль железнодорожных путей. Это напомнило и самое горькое, что было в одесском тюремном окне. Чуть не строки впервые:

Самое печальное на свете —

За решеткой видеть синий вечер...

Ну, вот. Не хватало только этого — и подобных комплексов! Ничего себе — простая огородная поездочка! Вот угодил мне полевой староста Виктор...

Когда же я высадился на своей станции, то душа еще больше сжалась. Там сейчас совсем никого не было. Знаменитая Еремеевка, из которой в конце 20-х годов угоняли целый эшелон кулаков — в том числе местных немцев, выкопавших у переезда колодец с невиданной редкостью — гранитной плитой на дне!

Хорошо еще, что на узкой платформе с хрустящим мелким гравием стояла молоденькая, по-домашнему одетая стрелочница с неразвернутым флажком. И я позавидовал ей — с возможностью зайти в свою дежурку и пить в ней казенный чай, а то и смотреть тот же телевизор — наверняка имевшийся там...

Дальше — привычная дорога вдоль станционных путей с засыпкой промасленным гравием. Но как здесь сейчас этот железнодорожный пейзаж смотрится заново! Горько несет дегтем от промазанных стрелок. За картофельным участком лежат прохладные тени, а ботва — иссохшаяся и желтая — сиротливо сбилась по обочинам. И даже жалкими выглядели собачонки, обычно резво бегающие у своих ворот. Хорошо еще, что не лаяли — наперекор засыпавшим курам!

Идти надо было долго — минут двадцать, но за это время попалась на встречу лишь одна машина. И тоже мелькнула мысль: она едет домой, а поэтому и спешит, взметая прохладную пыль. А ты, как ээк, топай в свою темную глушь!

Еще издали я стал вглядываться в заросли, за которыми начиналось этоакое огородное пространство. И тут меня охватило беспокойство: а есть ли кто-то?

Но знать бы, кого именно я встречу — и не только в человеческом облике!

Совсем неожиданная встреча с прошлым — и еще каким!

И даже с залогом на будущее...

Сторожевой контейнер — вполне удобная штука. Он как-то вместителен и даже уставлен мебелью — столом с табуретками и двумя топчанами. Из него распахнута дверь — металлическая и гремящая от прикосновения, а ее уже запирали тот, кто хотел, оказывается, в одиночку идти "на досмотр".

Некий пожилой дядька довольно приветливо встретил меня и даже помог уложиться с прихваченными из дому вещами. Я свалил их на мою постель — матрас, покрытый тряпьем, как бывало и на давнишних нарах, а напарник тут же показал и на такое добро как вода на столе в холостяцком ведре. И, похоже, он оказался вроде бы разговорчивым и довольно своим, даже участливым: и предвидел все мои вопросы — насчет опасности здесь, на ночном поле, и в отношении сна среди ночи. Ничего себе вроде бы тип — кстати, совсем не женщина, как я опасался! И думалось ли, что бывает нечто хуже?

Так что, я медленно, но верно успокаивался, слушая его, хоть и не успел узнать, как зовут такого сторожа. А он, похоже, сам спешил говорить.

— Опасно ли здесь? А как вы думаете... всякое бывает. Вон прошлую ночь, говорят, стучали в контейнер. Да, среди ночи, часа в два или три — грохот, крики с угрозой и все такое. Мол, выходи, такой-сякой... надо посчитаться. Буквально — из-за каких-то денег... требовали старые расчеты, что ли. Неуютно было слушать, а рука так и просилась... по старой привычке. А то еще случается, что всю ночь мчатся мимо мотоциклисты — то ли милиция, то ли даже кавказцы, черт их дери... Но иди знай — кого это носит прямо у твоей головы... вот бы сюда гранату! Особенно напугали наших женщин, когда те тоже ночевали здесь. Вламывались так с руганью, как водится, что женщины заявили: больше сюда — ни в какую силу! Пусть, мол, мужики сами тут охраняют добро! А поэтому ему пришлось,

хотя он не умеет ответить по-блатному. Так что и оставил основную работу, а вернее — общественную службу...

Сразу хотелось спросить: что... сам не из бывших заключенных? Да, вроде бы, не просто не блатывается, а и... Речь вполне культурная, но и вообще напористая — даже не вставишь свое слово. Или слишком намолчался наедине?

Я уже плохо слушал такого напарника, смутно вглядываясь в то, что открывалось передо мной: крутые стебли подсолнечника, туго свитые стволы с крупными листьями — кабачки, а там и нечто неразличимое — капуста или бураки... От всего этого тянет влажным терпковатым духом, тут и там что-то шевелится — птицы ли укладываются на ночь, ползают ли лягушки с жуками. Все же неуверенно знаем мы природу, окружающую нас... а ведь это основа на земле! И только четко я различил, как в темноте провисли провода электропередачи, да и то — уходящей куда-то к темневшему вдалеке поселку, а здесь не работавшей. У нас же в контейнере светила самодельная лампа — "летучая мышь" с сильно закопченным стеклом. Не было ли так в лагерных палатках, когда тоже выгоняли на полевые работы под надзором конвоиров со свирепыми псами?

— Кстати, пса у вас нет... не дали? — спохватился я. И тут же насторожился: интересно, как этот тип отнесется к такой примете лагерной жизни?

Но мои слова напомнили ему о другом — обходе наших участков. Да, это необходимо перед тем, как укладываться в контейнере на ночлег — слава Богу. И теперь обрадовала даже такая возможность — влезть на постель вместо нар!

Хорошо, что мы не стояли больше, а пошли — в самый настоящий ш м о н. И меня довольно уверенно вел тот, имя которого я уже не старался узнавать. Так что в полутьме смутно открылись один за другим соседние участки тех членов нашей Ассоциации — бывших жертв политического заключения, — что нас здесь по-своему сближало. Вот как неожиданно судьба держала всех вместе, что бы ни происходило вокруг в этой новой жизни! Вопреки чьим-то попыткам помешать — разорить наши участки или как-то придраться к нам... и даже с псами!

Так я думал, всматриваясь в смутно встававшие справа и слева жидкие заросли и с трудом различая ограждения между ними. Хотя мой напарник уверенно ступал на утопанные дорожки, по-прежнему не переставая говорить и то и дело оборачиваясь ко мне. Мол, вот как приходится ходить и высматривать — не пробрался ли кто-либо... много теперь развелось таких охотников... и даже приходится опасаться всех! Что ни гово-

ри — своеобразная война... и не отличишь ее от той — Отечественной, когда враг был более открытым, не прятался или уклонялся от схватки. Кажется, он по-прежнему разговаривал не просто казенным языком, и я раза два споткнулся, наткнувшись на горбочек. Но совсем остановился, когда услышал что-то про бои под Одессой... вот как!

— Да, надо доложить вам... Бывало всякое! Шли с боями в метель — и прямо через лиман. А пробиться успели раньше... наше подразделение вошло еще девятого апреля. Представляете — к самому подходу основных частей! Так что успели захватить, что надо было... а вернее — кого именно. Вот!

Я слушал с недоумением, почти не слыша лая собак вдалеке. Когда сделали разворот от нашего поля, разговор оборвался: потянул ветерок с подозрительным дымком, и напарник, что называется, наострил уши — замер с вытянутой шеей, как цапля. "Приказ об отступлении приходит неожиданно..." — снова вспомнилась классическая некрасовская фраза. Но интересно, был ли этот фронтовиком — в настоящих боях, как герои Керженцев и его вестовой Валега, а не... Впрочем, был ли вообще в лагере, хоть и является здесь представителем нашей Ассоциации? Я уставился на него подозрительно, тоже наострив уши, или что там случилось. Но было тихо, и мы пошли назад.

Теперь я шел впереди — и больше на ощупь, как тоже при отступлении. Но было приятно, что можно идти по мягкой земле, можно дышать прелым влажным воздухом и можно любоваться, как природа отходит ко сну. Да, я могу это теперь, а хороший писатель из-под Сталинграда лежит в чужой земле и не дышит даже чужим воздухом... А ведь он тоже брал Одессу в апреле 44-го!

Тут я наткнулся и на другой признак этой сельской ночи. Хотя о нем умолчал даже такой говорун, как бравший Одессу до подхода главных частей. Наткнулся на то, что ошеломило даже больше всех ночных опасностей.

Это вышло, когда мы, вернувшись к своему контейнеру и с грохотом распахнув его громоздкие металлические створки, приостановились возле него, чтобы подышать напоследок свежим воздухом перед входом в спертую духоту неприветливого, почти лагерного нутра.

Кажется, напарник замолчал, тоже залюбовавшись вечерней прелестью поля, где уже почти ничего нельзя было разобрать. А я поймал себя на том, что он по-прежнему никак не упоминал про лагерь, как это обычно бывает среди эков, и что даже не касается нынешней политической

жизни, хотя так делают и самые ленивые. И уже готов был шагнуть к своему топчану с тряпьем.

— Смотрите... — вдруг встрепенулся сосед. — Ничего себе... светит! — и его говорливый голос зазвенел, как при офицерской команде. Что же там?

Оказывается, что-то в темной массе листвы у ближайшей грядки. Не понять, что там росло, но ясно виднелось нечто светящееся. Этакое яркое мигавшее пятнышко. Как живое, оно светилось. Ну и прелесть!

Напарник еще добавил, что это светлячок, и я дрогнул от такого слова. Похоже, оно что-то напомнило мне, что-то затронуло. И кому тут расскажешь? А в голове выстроились сразу звуки — тоже прерывистые, как мигание.

Так звучали "Светлячки" — в знаменитой когда-то вещи одного немецкого композитора. И ее даже пели старые люди — и чуть ли не на специальные слова.

Впрочем, разве я сам не играл "Светлячки", когда был в духовом оркестре? До этого я слышал это по радио из-за границы, а потом, помнится, увидел перед собой и ноты на попире с этим коротким симпатичным словом.

Кстати, это было в ту же пору, когда происходило действие романа "В окопах Сталинграда". Виктор Некрасов — он же лейтенант Керженцев — со своим уморительным ординарцем сидел тогда на волжском берегу, а потом поспешно собирал пожитки, вплоть до постиранных портянок, спеша отступать.

Я же был по эту сторону фронта — во вражеском тылу. В тогдашней Одессе стоял зной — и тоже хотелось по-солдатски выкупаться, а я сам готов был собирать пожитки, хотя на пляж не было доступа — по запрету румын.

Но приходилось идти на тамошнюю досадную службу — в перерыве между студенческими занятиями в консерватории, замершей на каникулы, как обычно.

Наш оркестр обычно располагался на бульваре — сбоку от лестницы с Дюком. И я, сидя на стареньком нетвердом стуле, старался изредка смотреть на видневшуюся за ступенями бухту, где торчали редкие мачты и откуда почти не доносились буксирные гудки, всегда волновавшие раньше. Лишь когда наш дирижер — старый, с испытанным добрым лицом, похожий на китайца, — терял терпение, пялясь в мою сторону, я хватал пересохшим ртом мундштук своего кларнета и заглядывал на попире с разложенными там нотами. Играть как можно меньше "для них" — так я

себе всегда говорил, но все же это приходилось. И особенно, когда попались вальсы Вальдтейфеля или вот эти "Светлячки".

Музыка Пауля Линке — в ней было что-то мягкое и вкрадчивое. Она звучала, как тот же далекий, невероятный мир, о котором часто рассказывала мама. Мир, где жили тихие и добрые люди, где светло, несмотря на подступающую темноту. Ту самую, в какой и появлялись они — эти жучки... О!

Да, в самом деле. Ведь что такое светляки — просто жуки, ничего особенного! Как это значит в энциклопедическом справочнике: из семейства жуков... длина до 1,8 сантиметра... ночные насекомые... около 200 видов. А их эффект — в "светящемся органе", который имеется обычно "на конце брюшка". Правда, это "только у самок"... вот как! А у мужчиков... почему нет?!

Но знать — как много будут значить и они — эти женские куцые жучки. И не просто по оперетке того композитора, о ком — ни слова в Энциклопедии!

Вообще, я знал другую знаменитую вещь у Пауля Линке — его браурную песню, которую часто передавали по радио перед войной. "Берлинский воздух" — так по-дурацки называлось это воспевание немецкой столицы с грубыми, тяжеловесными повторами и затейливыми завихрениями у флейт, когда это звучало с хором и оркестром в солдатских "вуншконцертах". И я всегда злился!

Но тут — полная противоположность... Этакая задумчивость, воспевание вечерней неги и даже сладострастия. То, что пела мама с русскими словами:

Чуть окутал ночи мрак... поля и нивы,
Все влюбленные спешат... в наш край родимый!

И еще о том, что, мол, там трудно затеряться, потому что "светлячки повсюду". Ну и так далее — вплоть до старинного мещанского умиления:

Ох, светлячки, светлячки —
Жизнь вы нам озаряете...

Не выдержав, я слегка буркнул — напел начало этих "Светлячков". Но когда сбоку никак не откликнулись, пришлось даже как-то посочувствовать:

— Жаль, теперь нет таких нот... Даже в знаменитом магазине "Аккорд"! — А... что на Дерибасовской? — все же отозвался сосед. Мол, он знает его. И не столько то, что там продается, сколько... его заведующую!

Тоже помня, я зябко пожал плечами и хотел уже удалиться внутрь контейнера. Но сбоку послышалось: ведь известная особа... такая симпа-

тичная, в летах — сплошь седая, солидная. Когда-то знакомы были по службе. Давно!

Я невольно усмехнулся: может, тоже вместе заходили в Одессу тогда — в апреле Сорок Четвертого? И снова подумал о писателе, купавшемся здесь в море, которое было, по его воспоминаниям, "очень холодное". Не по контрасту ли с тем, как одесситы тогда встречали вступившую Красную Армию?

Когда я так вслух высказался, то услышал, что, наоборот, здесь было не очень горячо среди настроенных по-разному. Недаром и вступали в город особые подразделения — чтобы вовремя о б е з о п а с и т ь. Сам там был!

Я оторопело глянул на этого явно служаку — из "особых". И тут же поразило — насчет упоминания про заведующую магазином "Аккорд" на Дерибасовской... значит, и она была тоже — чтобы кого-то "обезопасить"... а? Так почему же потом оставалась лишь на такой работе — с музыкальной книгой?

Тут напарник усмехнулся — пожалуй, впервые за все время. Хотя это нелегко было заметить — в полутьме вокруг, даже при светлячках.

— Ну, как же... Ее в свое время уволили. По пятому пункту! Порядок!

Тогда я снова поразился уже вслух — насчет его здешнего дежурства.

— А вы как... какое отношение к нашей Ассоциации? Да, не сам ли попал туда — п о с т а т ь е?!

Отмахнувшись, тот прошел мимо меня в контейнер и что-то забормotal.

Я не сразу разобрал, что речь идет о муже его дочери, ради которого и пришлось выйти сюда. Мол, зять попросил — у самой деловая командировка!

Мне довелось тоже повозиться за другого — потянуть створки, запирая их. Хотя, признаться, никогда не приходилось этим заниматься, особенно в наших лагерях, где хватало других специалистов по закрыванию помещений...

Быстро загасив и "летучую мышь" — совсем закоптелую лампу, — мы улеглись впотьмах, явно настороженные и чуть ли не отстранившиеся друг от друга.

Да, было не по себе — и от подробностей прошлой жизни тогда, в 44-м году, и от случайных откровений про старую музыку. И хорошо еще, что я не признался при таком старом "особисте" — как я еще исполнял этого Линке!

Дело было в том же нашем духовом, как и тоже на бульваре. Вернее, мы в тот день, что называется, р а б о т а л и в другом обычном месте —

в Горсаду, на выстроенной тогда навесной восьмиугольной эстраде. Как всегда, дули в свои дудки, то и дело меняя вальсы на увертюру "Если б я был королем" или даже грандиозную "Ночь на Лысой горе" Мусоргского — на пустяковую новинку "Палома". Вокруг сменялась разная публика — от интеллигентных старичков, проходивших из бесплатной столовой на Садовой, до девок, тут же цеплявших "немчиков" — особенно со значком "KRIM" на груди. И с новой группкой немецких солдат наш осоловелый от духоты дирижер, озорно блеснув опухшими китайскими глазами, кивнул, чтобы взять "Берлинский воздух". Мы рванули эту залихватскую музыку и сами встряхнулись, едва вокруг запели:

Ach, so schön berliner Lüft, Lüft, Lüft!

Этот "Берлинер люфт, люфт, люфт" еще долго стоял в моих ушах, хотя немецкие слушатели вокруг нас становились все мрачнее — из-за дел на Восточном фронте. Даже с появлением на улицах бывших танкистов Роммеля — в песочной тропической форме (кокетливые безрукавки с черными галстуками и ботинки под штаны со складкой!) — их не утешала и зовущая "Лили-Марлен"!

Но, спрашивается, поверили ли бы в мое невыносимое тогдашнее состояние явившиеся в первые дни апреля — впереди наступавших регулярных частей — слишком бдительные "особисты" вроде нынешнего и особенно — пережившая повальную гибель своих предков еврейка из будущего "Аккорда"? Потому и отчасти мне пришлось от т я г и в а т ь с я на торфе и камне в 60-е! И пусть попробует кто-нибудь меня в чем-то упрекнуть теперь, при СВОБОДЕ!

Я готов был все же вскочить с топчана и все это высказать безмянному напарнику по дежурству на здешнем поле. Но он, кажется, уже похрапывал, а издали вон грохотнули колеса мотоцикла — может быть, и милицейского. И тут мне вспомнился тот ночной дежурный, который был в нашей тюрьме — наоборот, при ярком свете, так как в камерах лампочки, как водится, не отключаются... Именно — про такой же свет мне и напомнил тот тюремный "мусор"!

Если без позорных кличек — он совсем не заслуживал ее. Потому что оказался вполне терпимым тогда, в мою начальную пору заточения. А именно — и до души утешил, когда вдруг однажды после ужина сунул мне в открытую форточку то, что я тогда впервые увидел за решеткой, — книгу. Да, по моей просьбе, высказанной следователю, мне была передана просто книга... Чудо!

Правда, то были не какие-нибудь веселые рассказы Чехова или не

мудрый Лев Толстой. Всего лишь Короленко, которого я, признаться, с детства недолюбливал. Но можно ли было привередничать в моих тогдашних условиях? И, кстати, не намек ли это на то, как другим тоже приходилось в этом мире?

Рассказы. О Сибири, о каких-то заимках, о реке, которая тянется через льдины. И в одном из них — вспыхнувшие в темноте огни, как это ни было удивительно. Огни вдоль берега, которые то исчезали, то вновь появлялись.

Огни — эти своеобразные светлячки в гнетущей сибирской жизни! Ну, как не обрадоваться этому? Пусть и приходилось щуриться от ненужной лампочки.

Так вот — вокруг все же существуют огни, пусть и в виде светлячков.

И даже только у особ женского пола. К тому же седых евреек.

Снова вспомнив "Аккорд", где не было нот, я уснул.

Все же это был беспокойный сон.

Сперва собачий лай — эта ночная классика! Псы, которых не было у нас, зато бесновались где-то на стороне. И я тоже хотел звать их "мусорами".

Потом я вскочил, когда что-то бахнуло по стене у моей головы. Не бросили ли просто камнем? Или действительно пытались ворваться внутрь те, кто давно заприметил такое добро — 20-тонный контейнер, взятый порту?

Когда же створки загремели — из-за выхода наружу по своей нужде тоже беспокойного соседа, то я пожалел, что не курю, — иначе отвел бы бессонную душу. Снаружи блаженно хлынул свежий, полный запахов и шорохов воздух, и мне с завистью подумалось: вот бы тоже встать и побродить, ступая по влажным, живущим своей мрачной жизнью, грядкам, но и тщательно обходя светлые создания. В самом деле — что за чудо придумала природа, создав этих жуков!

Делая вид, что сплю, я не стал откликаться на вопросы своего соседа: не озяб ли я? Все же заботлив он, этот коварный тип, хоть и посочувствовал зятю — с таким дежурством вместо него! А интересно — чем провинился его будущий член семьи, попав в заключение... и не знал ли я его раньше? Понемногу мои мысли начали путаться, и я уже стал видеть другого зэка — того Виктора, который попросил меня на это ночное дежурство. А вскоре уже подумалось и о другом Викторе — Некрасове, который теперь, после Сталинграда, очутился в Париже... кстати, там ведь бродил и нынешний Виктор — якобы тамошний шпион, чтобы отхватить потом

целый четвертак по суду! В конце концов, вместо Парижа у меня замелькал и Берлин с его воздухом, черт бы его побрал. И не проснулся ли я от испуга, что меня с моими музыкальными оккупационными воспоминаниями услышит нынешний сосед?

Тоже встав со злости, я вышел и впотьмах чертыхнулся — на всю очаровательную, полную лунного света и каких-то деревенских вспышек ночь. И все же ясно сообразил: вот... теперь пришла свобода, когда я даже получил — вместо лагерного срока — этот участок бесплатной земли со всеми благами — вплоть до изумительных светлячков, этих поистине Божьих тварей, но... Не сидит ли тут же под боком — буквально на топчане — тип из старого мира?

Вспомнив, что раньше по зонам убивали впотьмах соседей, я спешно лег.

Увы, я проснулся поздно, пропустив и восход солнца — это высшее счастье!

Рядом уже не было ни храпевшего или подозрительно бродившего соседа, ни даже тех светлячков, которые напоминали и про маму, а теперь слепо исчезли.

Как ни противно было что-то есть, я пожевал прихваченный бутерброд. И вдруг вспомнил ту селедку — кусочек с белыми кишками, которую давал нам на завтрак дежурный "мусор". Боже, неужели это наваждение и впредь со мной?

"И все-таки, все-таки впереди огни..." — вспомнилось мне из книги.

А когда появился с тяткой в руках сосед, я поприветствовал его.

Было не по себе, что я долго валялся и ел, пока он работал. Вскочив с непрожеванной пищей, чтобы тоже чем-то заняться, я все же не удержался от унылой интеллигентной привычки — заговорить... и о чем еще — про Мироздание! Вдруг, думая об исчезнувших светлячках и как-то содрогаясь от испуга, что их можно потревожить и едва ли не повредить им, ворочая той же вульгарной тяткой, я сходу выпалил: а помним ли мы, кстати, что наша Земля под благостным Солнцем — это прежде всего планета... и кого бы, говоря по существу: п л а н е т а н а с е к о м ы х ?! Да, мол... даже не то, что там придумал еще не знавший мировой войны, пока не погиб на ней, другой достойный писатель — Сент-Экзюпери, написавший "Планету людей"... черт бы их побрал — этих людей, таких разных и недружных! Ну и не стоит ли нам как-то иначе относиться к истинным нашим з е м л я к а м , если уж так выражаться... чтобы беречь их, что ли... этих существ меньших... как это по-чеховски — братьев, а? Я разговорился, как и было раньше с другим.

— ...и что прикажете — тараканов тоже? — неожиданно огрызнулся мой напарник. — В том числе... страшно и сказать — вшей с клопами — нечисть, как и человеческую, да?

У него при свете было окаменевшее, с росинками трудового пота лицо, а в глазах — словно прицел, как раньше просилась душа. Вот... не такие ли и впрямь ставили к стенке, когда им доводилось... тогда, после освобождения Одессы... говорили же, что в порту этакое было! И не только с приехавшими на судах власовцами, а и... просто пленными, да!

Я потянулся к оброненной тятке, готовый, не дай Бог, схватить ее. Или прямо помахать, как было раз на торфболоте в мордовской глуши, ломом, — из-за кормежки на 30-градусном морозе... И где бы я был с тех пор, спрашивается? Не состоять бы никогда в Ассоциациях жертв репрессий и не ходить по огородам, где сверкают даже впотьмах огоньки, похожие на короленковские.

Кстати, как там теперь выглядит и моя делянка на этом огороде? Не наведать ли ее, а то ли даже поработать — до ближайшего поезда отсюда? Я все же прихватил тятку, на ручке которой было вырезано "Виктор". Видно, собственность того, кто посылал меня сюда — на такое опасное дежурство.

Снова вспомнилось, что я так и не знаю имени соседа по такому сложному дежурству. "Я имени его не знаю... — досадливо мелькнула оперная фразочка из Чайковского. — И не желаю знать его-о..." И тут же невольно усмехнулся.

Конечно, теперь все поле — в легкой парной дымке над грядками и с нагромоздившимися вдоль горизонта крепко сбитыми облаками — казалось другим.

Не прислушиваясь к металлической возне внутри контейнера того Безымянного, я вдруг подумал, что не помню имени и той заведующей из "Аккорда", к которой не раз обращался, приходя в магазин за нотами. А жаль... и вот бы с ней поговорить тогда — и не только на музыкальные темы. Может быть, мне доводилось встречаться и с ее родными, когда их пригоняли на Слободку — в гетто, где рядом я тогда жил? И разве в меня тоже не замахивались другие — вроде румына, когда я бросил булку хлеба в колонну угоняемых?

Я еще возился на грядках — круто поросших свеженьким, даже симпатичным бурьяном, который тут же сваливался вместе с землей, словно умерщвленные портовые пленные, когда услышал сквозь легкий гул на дороге оклик:

— ...и надолго ли запряглись? Есть предложение — слегка взбодриться! Кричал Безмянный, махая мне зажатой бутылочкой. Похоже, рядом с ним был еще кто-то... не Виктор ли, случайно? И не он ли и привез выпивку?

Выходило: мы двое — на одного. Не так ли перевешивает теперь и наша Ассоциация — с большинством не просто тех, кто страдал, а и уверовавших в какое-то добро в новом обществе, пусть до настоящей жизни еще далековато?

Я нехотя зашагал туда, где уже сооружался какой-то столик рядом с холостяцким переполовиненным ведром. Суетливо потирая ладони, Виктор подслеповато, сквозь старые разлезшиеся очки осматривал разложенную закуску — в основном то, что припас с собой, оказывается, мой ночной напарник.

— Как говорится... даешь наркомовские! — азартно воскликнул тот — своей наезженной, слишком знакомой скороговоркой. — Да, присели, товарищи!

И даже крикнул, хотя никак не предполагалось в нем такого азарта — пить.

Мы с Виктором передернулись от этого — "товарищи". А когда я положил к ногам славно поработавшую тяпку "Виктор", то ее хозяин расхохотался.

— Сам украл здесь, когда тоже сторожил... А как теперь иначе?

Мы дружелюбно хмыкнули и потянулись чокаться стаканами.

Хотя известно было, что он предпочитает вино — по-актерски.

Да и разве не приобщился к французскому питью, когда удрал из Одессы?

Дружно крикнув от выпитого, мы болтливо потянулись к скромной закуси: мол, хорошо пошла, родимая, и тут Безмянный показался как-то ближе.

— Кстати, — не выдержал я, принимая от него кусочек колбасы. — Что там было с вашим... который тоже загремел на срок... с зятем, а? Авось, тоже не так серьезно, как у бывшего актера? — и толкнул в бок Виктора.

Не сразу ответив — с опаской подавиться, тот сперва покачал головой — еще с жесткой стрижкой и с небольшой проседью: мол, не слишком, но... И все же замахнулся с пренебрежением по адресу того, кто запялнул его дочь. Мол, разве не видел — в чью семью попал... мальчишка такой? Охломон! Да!

Оказалось, в пору Брежнева. Из-за анекдотов про того известного дурака, бабника и пьяницу... При этих словах Виктор поморщился и буркнул:

— Не надо обижать! Главное — был хороший актер! Почти украинский! Да!

Он еще не мог забыть, что работал до войны в Одесском украинском театре, но изменил ему, когда при оккупантах ушел в Русский, а оттуда пошли остальные скитания — вплоть до перемещенных лиц на Западе... И срок!

Настала пора допивать остатки из нашей скромной чекушки. И тогда, как всегда, не удержался самый болтливый из нас, хоть и забыл про светлячков.

— ...подводя итоги, я предлагаю. Не только за этот огород, не только за его хозяина — Виктора Михайловича, а и... как говорится, за дружбу! А? — и уже взлетела торжественная рука, как на старом добром партсобрании.

Но тут что-то заскрежетало, взвыло и ухнуло. Прямо на контейнер валился через канаву мотоцикл с мелькнувшими на милицейских фуражках звездами.

Мы вскочили, роняя остатки водки. Вот — милиция всегда бережет!

— ...от пьянки! — попробовал шутить Виктор, подхватывая мое классическое выражение. Но от него отмахнулись и стали сквозь зубы выяснять: кто мы?

Пожалуй, это был трудный, хоть и элементарный вопрос. И мы оглянулись между собой, как бы заново оценивая друг друга. И действительно — что за нагромождение разных судеб... и за что еще нас наказывать... или как там?

— А баб нету? — ухмыльнулся старший, на сиденье. А другой свернул руль.

Они отъехали, но мы смотрели вслед, как приговоренные.

